

Мушкетер и фея

Автор:

Владислав Крапивин

Мушкетер и фея

Владислав Петрович Крапивин

Цикл небольших повестей, объединенных под названием «Мушкетер и фея», рассказывает о становлении характера Джонни Воробьева – от малыша до подростка. Вместе с героем растут, становятся все более многообразными и сложными его связи с миром и окружающими людьми.

Владислав Крапивин

Мушкетер и фея

и другие истории из жизни Джонни Воробьева

Бегство рогатых викингов

Герои наших историй живут в подмосковном городке. На улице, которая называется Крепостная. Дело в том, что в давние времена, когда по полям шастали орды кочевников, здесь стояла крепость. Небольшая, деревянная, с бревенчатыми восьмиугольными башнями. Потом она сгорела и разрушилась. Остался только земляной вал да овраг, который раньше, говорят, был крепостным рвом. Но скорее всего, это просто легенда, потому что овраг далеко от вала. Да еще название улицы напоминает о старине.

Вал густо порос одуванчиками. В овраге растет крапива, булькает ручеек и живут стрекозы и лягушки. На Крепостной улице живут мальчишки.

Конечно, там есть и взрослые, но речь главным образом пойдет о мальчишках.

Улица широкая, но тихая. Машины по ней не ходят, потому что она упирается в овраг. Дорога заросла, и даже сквозь узкий асфальтовый тротуар пробиваются лопухи. Домики прячутся в палисадниках с сиренью.

Сами понимаете, что такая улица – рай для футбола. И для всяких других игр.

Сережка возвращался поздно вечером и на кухне, сдержанно кряхтя, начинал заклеивать пластырем ссадины на ногах.

– Ну и побоища у вас! – сказал я однажды. – Каждый раз с отметинами приходишь.

Сережка, вытянув шею, пытался облизать ссаженный локоть.

– Подумаешь... побоища, – ответил он. – Какие это... побоища... Чушь... Вот в прошлом году...

И, лизнув наконец локоть, поведал эту историю.

В конце июня их осталось пятеро. Почти все «овражники» – ребята с этого конца – разъехались кто куда: в лагерь, к бабушкам, на юг, а один даже в тайгу с отцом-геологом.

А из компании Тольки Самохина никто не разъехался. Или сговорились, или случайно так получилось, но их как было, так и осталось шестнадцать, не считая всякой мелкоты.

У пятиклассника Сережки Волошина и его друзей никогда не было прочного мира с Толькиной компанией. Кто тут виноват, сказать нелегко. Однако все отмечали, что Самохин – человек въедливый и злобный. Он ко всем придирался и никогда ничего не прощал. Сережке он, видно, не мог простить,

что тот не подчиняется. Не считает его, Тольку, командиром в здешних местах, а сам имеет «армию». Правда, Сережкина армия была не такая большая и воинственная, но, пока она была в сборе, могла постоять за себя. И вдруг неприятность – разъехались!

Те, кто остался, жили в одном дворе. В двухэтажном доме – мальчишки, а в маленьком, в глубине двора, – девчонка Виктория. Или попросту Вика. Одноклассница Сергея.

Викины родители были путешественники. Они не поднимались на снежные вершины, не искали рудные залежи и не раскапывали в песках древние города, они просто ездили. Каждый отпуск они проводили с туристскими группами то на Черном море, то в Ленинграде, то на Волге. А воспитывать Вику приглашали папину сестру Нину Валерьевну.

Нина Валерьевна была худая, длинноносая и печальная женщина. То, что она тяжело больна, подразумевалось само собой. Это все знали, когда еще Виктории на свете не было. А если кто-нибудь спохватывался и пытался узнать о ее болезнях подробнее, Нина Валерьевна медленно и выразительно поднимала глаза на невежу. «Как же вам не стыдно? – говорил этот взгляд. – Мучить бедную женщину, жизнь которой висит на паутинке!» И невеже становилось стыдно.

Чтобы окружающие не забывали о ее страданиях, Нина Валерьевна постоянно сообщала: «Ах, как у меня болит голова». Фразу эту она произносила регулярно через каждые четыре с половиной минуты.

То, что ей приходилось воспитывать Вику, Нина Валерьевна считала подвигом. Она так и говорила: «Надеюсь, люди когда-нибудь поймут, какой подвиг я совершаю».

Может быть, Викины родители это понимали, но они были далеко. А Вика не понимала.

– Уик-то-о-риа-а! – на иностранный манер голосила по вечерам Нина Валерьевна. – Пора домой! Слышишь?! Все нормальные дети уже спят! Уик... (Ах, как у меня болит голова!) ...тория. Не заставляй меня снова принимать

валокордин!

– Выходит, я ненормальная! – шептала в каком-нибудь укрытии Вика. – Ну и отлично. Тогда мы еще погуляем. Ага, мальчики?

Как все нормальные девчонки, Вика гоняла с ребятами футбол, временами дралась, ныряла с полузатопленной баржи и никогда не забывала, что она девочка. Довольно часто Вика появлялась во дворе в модном сарафане или платье и вопросительно поглядывала на ребят. Мальчишки понимали девчоночью слабость и сдержанно хвалили обнову.

Платья и сарафаны Виктория кроила из прошлогодних туристских нарядов матери и шила на расхлябанной швейной машинке, которая постоянно ломалась. Чинили машинку братья Дорины.

Братья были близнецы, хотя и ничуть не похожие: Стасик белобрысый, а Борька худой и темноволосый. Жили они душа в душу. И увлечения у Дориных были одинаковые. Больше всего они любили книжки про технику и роботов. Дома у них был механический кот для ловли мышей, звали его Меркурий. Правда, ни одной мыши он не поймал, зато бросался под ноги гостям и хватал их за ботинки железными челюстями...

Еще в этой компании был первоклассник Джонни. Вернее, даже не первоклассник. В школу он лишь собирался, а пока ходил в «подготовишку» – самую старшую группу детсада. Но ведь те, кто, например, только перешел в пятый класс, тут же называют себя пятиклассниками, не дожидаясь новой осени. Вот и Джонни не стал ждать.

Имя Джонни было ненастоящее. Вообще-то его звали Женька. Но Женькин язык имел маленькую странность: не умел выговаривать букву «ж». Получалось «дж». Вместо «железо» Женька говорил «джелезо», вместо «жулик» – «джулик». И себя называл Дженькой. Но что за имя – Дженька! Вот и переделали в Джонни.

Детсадовскую жизнь и порядки Джонни холодно презирал. Он отлично умел читать и решать примеры с «иксами», знал, как устроены космические ракеты и электропробки, и терпеть не мог всякие хороводы и «гуси-лебеди». Чахлая программа подготовительной группы была не для него.

В группу Джонни являлся в потрепанных тexasских штанах с мордастым ковбоем на заднем кармане и выцветшей футболке. «Техасы» подметали бахромой паркет и пылили, как мотоцикл на деревенской улице. Воспитательницу Веру Сергеевну этот костюм доводил до истерики, но Джонни оставался спокоен. Во-первых, Вера Сергеевна была его двоюродной сестрой, во-вторых, он никогда не унижался до споров с начальством. Если жизнь в группе становилась нестерпимой, он просто брал под мышку «Сказки братьев Гримм» и уходил к малышам. Малыши смотрели на Джонни, как новобранцы на прославленного генерала. А их воспитательница на него чуть не молилась: Джонни избавлял ее от многих забот.

Ребят из младшей и средней группы Джонни любил. Конечно, они были народ необразованный, но это по малолетству, а не по глупости. И носов они не задирали. А как они слушали сказки!

Малыши верили в Джонни и чуть что бежали к нему. И в тот воскресный день, когда «викинги» совершили первое преступление, два пятилетних гонца отыскивали Джонни. А Джонни отыскал друзей.

Сережка, Виктория, Стасик и Борька сидели на верхней перекладине забора, которая называлась «насест». Это было их любимое место. Они сидели и бездельничали. Хмурый Джонни влез на «насест» и сообщил:

– Самохин опять пиратничает...

– Что? – напружиненно переспросил Сергей.

– Понаделали всякого оружия и на всех лезут. У Митьки Волкова и Павлика Гаврина плотину сломали. Они ее в овраге на ручье делали, а они растоптали.

– Шакалы! – искренне сказала Вика. – Нашли на кого нападать!

Сережка прищурился и медленно произнес:

– Думают, если Санька уехал, Митьку можно задевать...

Санька был братом пятилетнего Митьки и приятелем Сергея.

– Пошли поговорим с ними, – деловито предложил Борис.

– Их шестнадцать, – сказал Джонни. – И мечи, и щиты, и копья. Вот они скоро здесь проходить будут, увидите.

И правда, через минуту раздался дружный топот и бренчанье. Топала Толькина компания, а бренчали доспехи.

– Укройсь, – велел Сережка. Они прыгнули с забора и прильнули к щелям.

По дороге шло грозное войско.

Необычный был у войска строй. Впереди шел один человек, за ним два – плечом к плечу, потом шеренга из трех, за ней – из четырех. А дальше снова шли три, два и один. Получался остроконечный четырехугольник – ромб.

Каждый воин держал громадный, как цирковая афиша, щит, который закрывал хозяина от щиколоток до плеч. Все щиты смыкались краями и опоясывали строй, как сплошная броня.

Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было!

Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазики. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести – припаянные, приклепанные, прикрученные – торчали грозно и вызывающе.

Самохин шел первым. На нем сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог – такой же – был припаян с другой стороны. Крышка, видно, тоже была припаяна. Чайник закрывал лицо до подбородка. На блестящем металле чернели прорези для глаз.

Над щитами, над шлемами гордо подымались копья. Мочальные хвосты и пестрые флажки реяли у наконечников.

- Ну и стадо, - сказала Вика.

- Смех смехом, а не подступиться, - возразил Борька. - Даже из рогаток не прошибешь.

В середине строя, за щитами, дробно стучал металлический барабан.

- Понятно, - зло сказал Сережка. - Начитался Самохин про викингов. Есть такая книжка - «Черный ярл». Слыхали, кто такие викинги? Это морские бродяги были, вроде пиратов. Давно еще. Они в Скандинавии жили, где сейчас Швеция и Норвегия... В пешем строю они всегда таким ромбом ходили. Закроются с четырех сторон щитами, и не подступишься. И шлемы у них рогатые были, чтобы страх нагонять.

- Ну и страх! Потеха одна! - громко заявила Вика. - Что-то вы побледнели, мальчики. Животы в порядке?

- Уиктория-а! - укоризненно протянул Стасик. - Зачем ты так говоришь? Не заставляй нас принимать валерьянку.

- А ярл - это кто? - спросил Борис.

- Это значит вождь, - объяснил Сережка. - Вроде князя.

- Он негр? - поинтересовался Джонни.

- Почему?

- Ну, раз черный!

- Да это прозвище. Тоже для страха.

- А ярда в чайнике мы тоже боимся? - спросила Вика.

- Мы его вечером поймем, - решил Сережка. - Когда будет без чайника.

...Только Самохина друзья повстречали у входа в летний кинотеатр.

Только хотел попасть на двухсерийный фильм про трех мушкетеров. Он не попал. Его прижали спиной к решетчатой оградке, над которой поднималась трехметровая фанерная афиша. На афише д'Артаньян ловко раскидывал длинной рапирой целый взвод кардинальских гвардейцев, но Тольке от этого было не легче.

- Поговорим? - сказал Сережка.

- Четверо на одного? - сказал Толька.

- А разве много? - язвительно спросила Вика. - Вас-то сколько было, когда плотину у двух малышей раздавили?

- Мы? Раздавили?

- А не давили, да?

- Мы по ней только через ручей прошли! У нас на той стороне тактические занятия были! Мы что, знали, что она сломается?

- Думать надо было, - наставительно сказал Борька.

- Головой, - добавил Стасик.

- А у него не голова, - произнес остроумный Джонни. - У него джестянка с рогами.

- Ты мои рога не тронь, - мрачно сказал предводитель викингов.

- Можно и потрогать, - заметил Сережка.

- Четверо на одного?

– Пятеро!! – взвился уязвленный в самое сердце Джонни. Только сейчас он понял, что Самохин не желает его даже считать. – Вот как вделаю по уху!

– Козявка, – сказал викинг. – Вделай.

Джонни зажмурился и «вделал»...

В общем, Самохин вырвался из окружения помятый и взъерошенный. Наверно, хотелось ему зареветь. Но он не заревел. Он, часто дыша, сказал издали:

– Ну, увидимся еще! Не будет вам жизни теперь ни ночью ни днем.

Друзья озабоченно молчали и не смотрели друг на друга.

– Вот что, люди, – заговорил наконец командир Сережка. – Давайте-ка топать на свою территорию. И поскорее. Полезное это будет дело.

Он оказался прав. Едва укрылись во дворе, как Джонни известил с «насеста»:

– Идут!

Все забрались на перекладину.

Противник двигался в боевом порядке. Мерно колыхались копья и звякало железо.

– Красиво идут, черти, – со вздохом сказал Сережка. Наверное, все-таки завидовал, что нет у него такой могучей армии.

– Ну и красота! Понацепляли утильсырье... – откликнулась Вика.

Викинги приближались. Толька шел впереди. Рогатый чайник его вспыхивал на вечернем солнце. Лучи отскакивали от него, как оранжевые стрелы. Справа и позади командира шагал верный адъютант Вовка Песков по прозвищу Пескарь. Впрочем, знающие люди утверждают, что прозвище это надо писать через «и»,

потому что оно не от фамилии, а от Вовкиной писклявости. Пескарь (или Пискарь) тоже был в чайнике, только не в блестящем, а в эмалированном. Крышки у чайника не было, и в круглом отверстии торчал белобрысый хохол.

Строй викингов остановился, нацелившись острием на забор.

- Ну, чего расселись, как курицы? - глухо спросил Самохин из-под шлема. - Идите, побеседуем.

- Сено к корове не ходит, - сказал Сережка.

- Трусы, - заявил Толька, презрительно глядя сквозь прорези. - Это вам не пятеро на одного.

Джонни гордо улыбнулся.

- И не шестнадцать на двух малышей, - сказала Вика.

- Пескарь, давай, - приказал Самохин.

Адъютант вышел из строя и приблизился к забору. Тонким голосом он отрапортовал:

- Объявляем вам всем смертельную войну до полной победы, чтоб не было вам нигде проходу!

- Все? - спросил Сережка.

- Все, - сказал Пескарь и нерешительно оглянулся на ярла.

- Объявил и катись отсюда, - хмуро предложил Сережка.

- Сам катись, - ответил Пескарь, потому что приказа отступить не было.

Джонни деловито плюнул, целясь в неприкрытую макушку викинга, но не попал. Оскорбленный Пескарь поднял копье, чтобы отомстить обидчику. Борька и

Стасик ухватили копьё за наконечник, дернули к себе. Пескарь не ожидал такого фокуса и выпустил оружие. Дорины тупым концом копья трахнули Пескаря по щиту, и посол викингов шлепнулся на асфальт, раскидав худые, как циркуль, ноги.

Викинги склонили копья и ринулись к забору. Пятеро друзей, как парашютисты, посыпались вниз, во двор.

– Минуточку! – крикнула Вика и метнулась к своему крыльцу. Буквально через несколько секунд она примчалась с ведерком. Вода блестящим языком перехлестнула через забор. Послышались яростные крики, и викинги отступили. Вика снова уселась на шатком заборе.

– Эй вы, мелкий рогатый скот! – радовалась она. – Обезьяны в дырявых мисках! Получили? Мы вас всех переловим по одному, рога пообломаем!

– Уикто-ория-а! – раздался позади возмущенный вопль. – Что ты говоришь! Сию же минуту ступай домой! Ты сведешь меня в могилу!

– Сведешь тебя... – проворчала Вика и шумно упала с забора. – До завтра, мальчики. Сегодня меня весь вечер будут перевоспитывать.

– Держись, – откликнулся Сережка. – Утро вечера мудренее.

Но утро не оказалось мудренее. Оно не принесло ни радостей, ни свежих мыслей, ни особых новостей. Была только одна новость: Джонни оказался именинником. Ему исполнилось семь лет, и он на законных основаниях не пошел в детский сад.

– Уговаривали, – сказал Джонни. – Хотели, чтобы я туда до самой осени таскался. Я сказал, что фиг. Джирно будет.

Не было теперь нужды дразнить своим видом воспитателей. Поэтому Джонни явился к друзьям не в обычном ковбойском костюме, а в октябрятской форме, купленной вчера в магазине «Светлячок».

- Джонни, ты – генерал, – сказала Вика, разглядывая синюю пилотку и голубую рубашку с погончиками. – Тебя, именинника, надо бы за уши потаскать, да я подступить боюсь.

- Мы ему железного кота подарим, – пообещал Стасик.

Слова о генерале повернули все мысли к военным делам.

- Эти паразиты вчера до ночи маршировали, – сказал Борька.

Сережка вздохнул. Это был вздох полководца без армии. Сережка сказал:

- Набрать бы человек двадцать, поставить бы впереди всех Джонни с барабаном... Дали бы мы этой рогатой банде!

- Может, на них вашего кота напустить? – спросил Джонни у Дориных.

- Мелковат, – сказал Борька.

- А если что-нибудь покрупнее смастерить? – оживилась Вика.

- Пушку? – спросил Борька.

- За пушку влетит, – рассудительно заметил Джонни.

- Броневику бы склепать... – задумчиво произнес Стасик. – И на всем ходу на них: др-р-р-р!

- «Др-р-р!» – передразнил Борька. – На каком ходу? Двигатель где возьмешь?

- А на педалях?

- Много ты наездишь на педалях? – спросил Сережка. – Тебя в этом «броневике» как в мышеловке накроют.

- Мы и так, как в мышеловке, - сказал Стасик. - На улицу не сунешься, чтоб футбол погонять.

- Вот в августе вернутся наши, тогда мы дадим жизни, - мечтательно сказала Вика.

- В августе! - возмутился Джонни. - А сейчас как воевать?

Настроение было неважное, и Вике захотелось поспорить:

- Вам, мальчишкам, только воевать да футбол гонять!

- А что делать? Взаперти сидеть?

- Не обязательно сидеть. Тыщу дел можно придумать, самых интересных!

- Не надо тыщу. Придумай одно, - попросил Сергей.

Ничего не придумывалось, но отступить было нельзя, и с разгона Вика заявила:

- Ну... звено можно организовать! Для шефской работы. Как в зоне пионерского действия. Помогать там кому-нибудь или еще что...

- Бабушкам водичку с колонки носить, - вставил Стасик.

- Ну и что? Рассыплешься?

- Не рассыплюсь, - ответил за брата Борька. - Только пока ей воду таскаешь, она будет на рынке земляникой торговать.. Знаю я таких.

- Не все же такие.

- Не все! Есть и другие, которые во двор не пустят. Сунешься, а там кобель здоровенный. Враз штаны оборвет.

Вмешался Сережка и сказал, что затея так себе. Никаких бабушек и стариков, которым помощь нужна, не найдешь. У каждого толпа здоровенных родственников и детей. Это раньше были одинокие старушки, а сейчас...

- Есть одна бабушка, - вдруг сказал Джонни. - Она без никого живет. Ее бабкой Наташей зовут. Да вы же знаете, у нее щенок Родька.

Щенка Родьку знали. Он был веселый и добродушный. А хозяйка...

- Неподходящая бабка, - твердо сказал Сергей. - Ерунду ты выдумал, Джонни. Она ребят просто видеть не может.

- Кричит, что все мы бандиты, - заметила Вика.

- Ну... - нерешительно сказал Джонни. - Мы, наверно, сами виноваты...

- Мы?! - хором возмутились Дорины.

- Ну... то есть, наверно, я... Я в прошлом году нечаянно свой вертолет ей в огород пустил. И полез за ним... И там нечаянно два огурца сорвал...

- А она нечаянно тебе уши надрала, - обрадованно добавил Стасик.

- Нет, не успела. Только я от нее по парникам убежал, по стеклам...

- Понятно, почему она кричит, - задумчиво сказала Вика.

- Я там все ноги изрезал, - огрызнулся Джонни.

- Теперь к ней не сунешься, - сказал Борька.

Сережка молчал. Он обдумывал. И все тоже замолчали, вопросительно глядя на командира.

- А может, попробуем? - спросил Сережка. - Трудно, конечно... А вдруг перевоспитаем бабку? Все-таки польза для человечества.

Решили попробовать.

На разведку пошли Стасик и Борька.

Бабка Наташа жила в угловом домике. Домишко был старый, осевший в землю одним углом. словно кто-то сверху стукнул его кулаком по краю. Калитка тоже была старая. Она оказалась запертой, но Борька просунул в щель руку и отодвинул засов.

По двору ходили куры и петух Гарька (полное имя Маргарин). Из фанерного ящика выкатился толстопузый Родька, твякнул и помчался к разведчикам, виляя хвостиком, похожим на указательный палец. В углу двора из ветхого сарайчика появилась бабка Наташа.

Бабка была еще крепкая. Высокая, худая и сутулая. Она колюче глянула на ребят из-под клочкастых бровей, и Стасик торопливо посмотрел назад: открыта ли калитка.

– Здрасьте... – сказал Борька.

– Нету макулатуры! – заговорила бабка голосом, неожиданно чистым и громким. – И железа нету! Ничего нету!

– И не надо, – поспешно сказал Борька. – Мы к вам, бабушка, по другому делу.

– И никаких делов нету! Хулиганство одно, – неприступно отвечала бабка Наташа, зачем-то подбирая с земли хворостину, похожую на гигантский крысиный хвост.

Стасик жалобно сказал:

– Никакого хулиганства. Мы совсем наоборот...

– Ну и шагайте отседова, раз наоборот. И нечего собаку со двора сманивать! Брысь! – Она подняла хворостину, и Родька пушечным ядром влетел в ящик.

Стасик и Борька зажмурились, но остались на месте.

- Непонятно вы говорите, - начал Борька, приоткрывая один глаз. - При чем тут хулиганство? Разве можно считать хулиганами всех людей?

- Я про людей и не говорю, - ворчливо ответила бабка. - А вас еще сколько надо палкой учить, пока людьми станете.

- Не все же палкой. Можно и по-хорошему, - ввернул Стасик.

- С вами-то?

- С нами, - твердо сказал Борька. - Мы к вам по хорошему делу пришли. Починить что-нибудь, если надо, помочь где-нибудь. У нас пионерское звено для этого создано. Шефская работа.

- И чего это мне помогать... - неуверенно сказала бабка.

- Мало ли чего! - перешел в наступление Борька. - Забор починить или крыльцо... Или вон дверь на сарае! Ну, что за дверь!

- Чихнешь - и отпадет, - сказал Стасик.

Дверь и правда была никудышная. Три кое-как сбитых доски висели на одной петле.

- Мы бы вам такую дверь отгрохали, - мечтательно сказал Стасик.

- «Отгрохали», - опасливо повторила бабка. - Еще стянете чего-нибудь из сарая-то.

Братья Дорины оскорбленно вскинули головы.

- Во-первых, - сказал Борька, - мы не жулики...

– Во-вторых, – сказал Стасик, – было бы что тянуть! Золото, что ли, там спрятано?

– Там у меня коза, – с достоинством ответила бабка Наташа.

Борька вздохнул и устало спросил:

– Бабушка! Ну подумайте, зачем нам коза? В велосипед запрягать?

Бабка смотрела то на ребят, то на дверь. Дорины с обиженным видом ждали. Родька опять вылез из ящика и тьявкали на Маргарина.

– А... почему возьмете-то? – поинтересовалась бабка Наташа.

– Да что вы, бабушка! – хором сказали братья.

Дверь делали у себя во дворе. Доски для нее собрали старые, разные, но Борька прошелся по ним фуганком, опилил концы, и они заблестели – одна к одной. Потом их сбили двумя поперечными брусьями. Стасик притащил из своих запасов две тяжелые дверные петли и щеколду. Сережка у себя в чулане оторвал от старого сундука узорную медную ручку. Вика отыскала полбанки оранжевой краски, которой покрывают деревянные полы. Краска осталась от ремонта дома.

Один Джонни бездельничал. В начале работы он треснул молотком по пальцу, и его отправили «на отдых». Сказали, что, во-первых, он именинник, во-вторых, испачкает свою форму, а в-третьих, кто его знает: может быть, в другой раз он стукнет не по своему пальцу, а по чужому. Джонни сидел на Викином крыльце и канючил, что хочет работать.

Потом, когда развернулись главные события, Джонни поэтому и отвоевал себе основную роль. «Хватит заджимать человека, – сказал он. – Тогда не дали работать и сейчас не пускаете?» И его пустили... Но это было после. А пока друзья возились с дверью.

Они унесли готовую дверь в бабкин двор, приладили к сараю и взялись за кисти. Через полчаса дверь снаружи полыхала оранжевым пламенем. Сияла на солнце. Бабка Наташа тоже сияла. Вся ее суровость растаяла, как эскимо на солнцепеке.

– Голубчики, – повторяла она. – Работнички! Я вам конфеточек... – И она заспешила к дому.

– А ну, пошли, ребята, – распорядился Сережка. – А то еще правда начнет конфетки совать.

Они побежали на улицу.

Джонни задержался в калитке. Опустился на колено. Его заторопили.

– Идите! – откликнулся он. – Я догоню! Только сандаля поправлю! Ремешок порвался...

Вся компания, кроме Джонни, устроилась на крыльце у Вики. Вика чинила Борькину рубашку. Борька, сидя на корточках, чистил бензином штаны Стасика. Стасик оглядывался и давал советы. Сережка зачем-то старался укунить свою ладонь.

– У-ик-то-о-ориа-а! – доносилось изредка из дома. – Почему ты не идешь обедать? Я напишу папе и маме!

– Ах, как у меня болит голова, – деревянным голосом сказала Вика.

– Джонни куда-то исчез, – озабоченно заметил Сережка. – А тут еще эта заноза...

– Ты имеешь в виду мою тетю? – спросила Вика.

– Я имею в виду настоящую занозу. В ладони сидит..

– Вот он, Джонни, бежит, – сказал Борька.

Встрепанный Джонни подлетел к друзьям и перевел дух.

- Викинги? – спросил Сергей.

- Братцы, – громким шепотом сказал Джонни. – Липа взбесилась.

Борька приоткрыл рот и вылил на Стасика бензин. Вика воткнула в палец иголку. Сережка лязгнул зубами и проглотил занозу.

Липа взбесилась! Все знали бабкину Липу как пожилую мирную козу. Что случилось?

...Случилось вот что. Хитрый Джонни услышал от бабки про конфеты и решил не упускать случая. Поэтому и застрял в калитке, а никакой ремешок у него не рвался. Ребята ушли, а Джонни сидел на корточках, теребил у сандалии пряжку и поглядывал на крыльцо.

Появилась бабка Наташа, но без конфет. На Джонни она не взглянула, видно, не заметила. Бабка побрела к сарайчику, полюбовалась дверью, осторожно открыла ее и медовым голосом позвала:

- Иди сюда, голубушка, иди сюда, сладкая...

Появилась «сладкая голубушка» Липа. При свете солнца особенно заметно было, какая она худая и клочкастая. Бабка распутала у нее на рогах веревку.

- Пойдем, матушка, я тебя привяжу, травки пощиплешь.

Липа ничего не имела против. Сонно качая бородой, она побрела за хозяйкой. Но тут нахальный петух Гарька боком начал подбираться к открытой двери. У бабки, видно, были причины, чтобы Гарьку туда не пускать.

- Брысь, нечистая сила! – гаркнула она. Оставила козу и побежала к сараю. Петух развязной походкой удалился в курятник. Бабка Наташа прикрыла дверь и

заложила щеколду, приговаривая:

– Сейчас, сейчас, моя Липушка.

Липа лениво оглянулась...

И увидела дверь.

Никто никогда не узнает, что произошло в ее душе. Козья душа – потемки. Но Джонни видел, как Липины глаза вспыхнули желтой ненавистью. Липа сразу как-то помолодела.

– Им-ммэх! – энергично сказала она. Широко расставила ноги, подалась назад и, разбежавшись, врезала рогами по оранжевой двери.

– Голубушка! – ахнула бабка.

Липа тяжелой кавалерийской рысью вернулась на прежнее место и склонила рога.

– Ладушка... – позвала бабка Наташа и сделала к ней шаг. Липа рванулась и смела ее с дороги, как охапку соломы. Сарай слегка закачало от могучего удара.

– Спасите... – нерешительно сказала бабка и, пригибаясь, побежала за угол.

Джонни вскочил и, хлопая расстегнутой сандалией, помчался к друзьям...

Когда ребята ворвались в калитку, Липа готовилась к очередному штурму. Она дышала со свистом, словно внутри у нее работал дырявый насос. Рыла землю передним копытом и качала опущенными рогами. На рогах пламенели следы краски. Глаза у Липы тоже пламенели.

– М-мэу-ау, – хрипло сказала Липа и, наращивая скорость, устремилась к сараю.

Трах!

Дверь крякнула. Внутри сарайчика что-то заскрежетало и ухнуло. С козырька крыши посыпался мусор. В курятнике скандально завопил Гарька. В глубине своего ящика нерешительно вякнул Родька.

- Красавица моя... - плаксиво сказала бабка Наташа, укрываясь за кадкой.

«Красавица» гордо тряхнула бородой, встала на задние ноги, развернулась, как танцовщица, и бегом отправилась на исходную позицию. Там она снова ударила копытом и с ненавистью глянула на дверь.

Борька, срывая через голову рубашку, метнулся к взбесившейся козе. Коза метнулась к двери. Они сшиблись на полпути. Падая, Борька набросил рубашку Липе на рога. Клетчатый подол закрыл козью морду. Липа по инерции пробежала почти до сарая и остолбенело замерла.

- Мэ? - нерешительно спросила она.

Подскочила Вика и покрепче укутала рубашкой Липину голову.

Бабка Наташа выбралась из укрытия.

- Это что же? - спросила она со сдержанным упреком. - Значит, так оно и будет с нонешнего дня?

- А мы при чем? - огрызнулся Борька. Он ладонью растирал на голом боку кровоподтеки от Липиных рогов. - Дура бешеная! Больная, что ли?

- «Больная»! - обиделась бабка. - Да сроду она не болела! Вот что! Сымайте-ка вашу дверь, мне коза дороже!

- Ну, и... - со злостью начал Борька, но Сережка одними губами произнес: «Тихо...» - и повернулся к бабке.

- Дверь снять недолго, - покладисто сказал он. - Только как вы без двери будете? Старая-то совсем рассыпалась. Украдут ведь козу, бабушка. Или сбежит.

Бабка открыла рот, чтобы обрушить на Сережку гром и молнии... и не обрушила. Потому что без двери в самом деле как?

- Ироды, - плаксиво сказала она.

- Да вы не расстраивайтесь, бабушка, - убеждал Сережка. - Ну, разволновалась коза немножко. С непривычки. Бывает... А может быть, у козы вашей какая-нибудь испанская порода? Как у быков. Знаете, испанские быки на все такое яркое кидаются.

- Сам ты порода-урода! - опять взвилась бабка. - Значит, так и будет она кидаться?

- Да перекрасим дверь, - спокойно объяснил Сережка. - О чем разговор! В зеленый цвет перекрасим. Не будет она кидаться на зелень. Ведь на траву она не кидается.

Бабка подозрительно молчала. Но, подумав, решила, видимо, что нет Липе никакого резона кидаться на зеленую дверь.

- А когда перекрасите?

- Ну, сперва пусть эта краска высохнет... А пока мы Липушку в овраге попасем, - сладко пообещал Сережка. - Раз уж так получилось... Главное, вы не беспокойтесь. Мы ей дверь показывать не будем. Уведем и приведем аккуратненько. Там и травка густая, сочная, не то что здесь...

Когда Липу вывели за калитку, Борька в сердцах саданул ей коленом в худые ребра.

- У, кляча испанская!

- Вот и нашлось дело. А боялись, что заскучаем, - ехидно заметила Вика.

- Зачем связались? - возмущенно спросил Стасик. - Ну и пускай разносит сарай! Мы-то при чем? - И он треснул Липу с другой стороны.

- Не тронь дживотное, - сердито сказал Джонни.

- А в овраге нас викинги живьем возьмут, - заметил Стасик.

- Не возьмут. Мы за поворот уйдем, они туда не полезут в своих доспехах, - объяснил Сережка.

- Звено козопасов, - сказала Вика и вздохнула. - Да еще зеленую краску добывать надо. Предупреждаю: у меня нет.

- Зеленая подождет, - сказал Сережка. - Надо оранжевую. Осталась?

- А зачем?

- Осталась?

- Немножко, - сказала Вика. - А...

- Пока хватит немножко. А вообще... Фанера есть?

- Есть, - откликнулись Дорины.

- В чем дело, Сергей? - строго спросила Виктория.

Сережка зорко глянул по сторонам и шепотом сообщил:

- Есть одна мысль...

...В тот же день Джонни появился в детском саду. Он пришел на площадку независимой походкой вольного человека. Бывшая Джоннина группа хором вздохнула, завидуя его свободе и ослепительной форме. Вера Сергеевна сказала:

- Не понимаю, Воробьев, что тебе здесь нужно.

Джонни ответил непочтительно и отправился к малышам. В тенистом уголке за деревянной горкой Джонни собрал верных людей.

- Вот что, парни, - сказал он. - Есть важное дело.

Малыши часто дышали от внимания и почтительности.

- Кто знает, что такое ремонт?

- Это когда папка мотоцикл чинит, - сказал крошечный, как игрушка, Юрик Молчанов.

- Молодец, - сказал Джонни. - А еще?

- У нас был ремонт холодильника, - сообщил толстый Мишка Панин. - Только это плохой ремонт, потому что холодильник все равно не работает.

Два голоса вместе сказали, что бывает еще ремонт телевизора.

- Правильно, - терпеливо согласился Джонни.

- А у нас дома везде ремонт, - раздался голос у него за спиной. Джонни обернулся, как охотник, услышавший зверя.

- И пол красят?

- Ага, - сказал стриженный малыш Дима.

- Вот! Это самое главное! - торжественно объявил Джонни. - Нам такой ремонт и нужен. Там, где есть оранжевая краска.

- Какая? - спросил Юрик Молчанов.

- О-ран-жевая. Ну, которой полы красят... Ну, вот, как штаны у Димки.

Все с уважением посмотрели на Димкины штаны с вышитым на кармане цыпленком.

- У нас есть такая!

- И у нас! - раздались голоса.

Джонни рассчитал правильно: летом хозяева деревянных домов всегда стараются заняться ремонтом: белят, шпаклюют, крыши чинят. Полы красят. Три Джонниных агента сразу пообещали добыть краску. Остальные сказали, что разведуют у соседей.

- Приносите утром, - велел Джонни. - Каждый по консервной банке. И спрячьте там под... Ну, вы знаете где.

- Ага. А зачем? - спросил Мишка Панин.

- Потом скажу. Пока военная тайна. Если проболтаюсь, за язык повесят, - серьезно ответил Джонни. - И вы помалкивайте.

- Есть, - шепотом сказал Мишка.

Утром викинги снова ступили на тропу войны. Пестрые флажки реяли на ветру. Шлемы блестели и грозно брякали. Викинги шли на поиски подвигов и славы.

Но, чтобы совершить подвиг, надо победить врага. А врагов не было. Местные собаки заранее убирались с дороги и гавкали за крепкими заборами. Кошки смотрели с крыш зелеными глазами и тихо стонали от ненависти. Куры, услышав мерный тяжелый шаг, разлетались по палисадникам, и даже заносчивый Маргарин поспешил исчезнуть в чужой подворотне.

Сомкнутый четырехугольник воинов прошел уже пол-улицы. Подвигов не предвиделось. Под рогатыми кастрюлями и чайниками начинали шевелиться недовольные мысли. Шаг стал сбивчивым. Кое-кто за спиной предводителя стянул со взмокшей головы шлем и взял его под мышку. Дисциплина падала.

Но зоркие глаза вождя разглядели впереди сине-голубую фигурку.

– Внимание!! – взревел обрадованный ярл. – Впереди вражеский лазутчик!

– Внимание! – тонким голосом поддержал его верный адъютант. – Впереди вражеский Джонни по прозвищу Карапуз!

Никогда не было у Джонни такого прозвища! И все это знали. Но Толька на ходу приказал:

– Полк, слушай боевую задачу! Изловить подлого Джонни Карапуза, взять его в заложники и выведать все военные секреты!

– Ура! – рявкнули воодушевленные викинги.

Джонни, однако, не хотел, чтобы его изловили. Он заметил врагов и поднажал, стараясь успеть к своей калитке раньше викингов.

Рогатое войско тоже поднажало.

Джонни был не такой противник, на которого надо идти сомкнутым строем. Викинги сломали ряды и кинулись за добычей наперегонки. Но быстро бежать им не давали щиты и копья.

А Джонни мешало бежать ведро с краской. Он тащил его из детсада. Малыши постарались, и ведро было полное. И тяжелое. Оно цеплялось липким боком за ногу, краска плескала через край, и за Джонни по асфальту тянулась рваная оранжевая цепочка. Ну как тут побежишь?

Наверное, поэтому Джонни не успел к калитке. Викинги опередили, и казалось, что спасенья нет.

Но спасенье было. Джонни затормозил и юркнул в проход между заборами.

Это был очень узкий коридор. Если бы Джонни развел руки, он коснулся бы того и другого забора. Проход вел к ручью, который журчал позади огородов. Зимой хозяйки ходили на ручей полоскать белье, а летом здесь никто не ходил, и

проход зарос лопухами.

Джонни вошел в лопухи, повернулся и стал ждать.

Надо сказать, что кроме ведра у Джонни были две мочальные кисти, которыми белят стены. Ведерко он поставил перед собой, а кисти взял, как гранаты.

Громыхая щитами и шлемами, полезли в проход викинги. Впереди были Самохин и Пескарь.

- Только суньтесь, коровы, - холодно сказал Джонни. И по самый корень окунул в ведерко кисть.

Это непонятное движение слегка смутило суровых воинов. Они остановились.

- Сдавайся, - неуверенно сказал Пескарь.

Свободной рукой Джонни показал фигу. На этот возмутительный жест викинги ответили нестройными угрозами. Но не двинулись. Краска падала с кисти, и ее тяжелые капли щелкали по лопухам.

- А ну, положи свою мазилку, - устрашающим голосом сказал Самохин.

Джонни дерзко хмыкнул.

- Взять шпиона! - приказал Толька. Склонил копье и двинулся на противника.

Джонни изогнулся и метнул кисть в щит предводителя.

Бамм! Фанера тяжело ухнула, и на ней расцвела оранжевая клякса величиной с кошку. Кисть рикошетом ушла в задние ряды и зацепила еще несколько щитов.

- Я так не играю, у меня рубаха новая, - сказали оттуда.

- Молчать! Не отступать! - крикнул Самохин.

Джонни обмакнул вторую кисть.

- Джить надоело?

Викингам не надоело жить, но надо было спасти свой авторитет. Они опять склонили копья.

Бамм! Вторая кисть разукрасила щит Пескаря и щедро окропила других викингов. Джонни, не теряя секунды, схватил с земли гнилую палку, перешиб о колено и оба конца макнул в краску. Палки полетели вслед за кистями. Викинги яростно взревели. Безоружный Джонни подхватил ведро и пустился к ручью.

Путаясь в лопухах, цепляясь друг за друга копьями и рогами, грозные покорители северных морей кинулись в погоню. Жажда мести подхлестывала их. Они догоняли беднягу Джонни.

Что делает охотник, когда его настигает разъяренный медведь? Он бросает по очереди зверю одну рукавицу, вторую, потом шапку... Рукавиц у Джонни не было, а новенькую пилотку он не отдал бы даже Змею Горынычу. И Джонни бросил врагам ведро. Вернее, не бросил, а оставил в лопухах.

Неожиданный трофей на минуту задержал орущих викингов. Джонни оторвался от погони. Он, не снимая сандалий, перешел ручей, погрозил с того берега кулаком и по чужим огородам вернулся к своему забору.

Там его ждали.

- Получилось? - спросил Сережка, бледнея от нетерпения.

- Джелезно, - сказал Джонни. - Сейчас увидите.

Они повисли на заборе.

Викинги выбирались из прохода и смыкали ряды. К забору они подошли уже неприступным ромбом. Их щиты сверкали оранжевыми заплатами всех размеров.

– Вашего Джонни мы все равно поймем, – сказал Толька, сдвигая на затылок чайник. – Оторвем ноги и приставим к ушам.

– Самохин, ты грабитель, – с достоинством ответил Сережка. – Вы не викинги, а мародеры. Такая банда – на одного первоклассника! Краску отобрали!

– Он ее сам бросил! – возмутился Толька.

– Сам! – хором подтвердили викинги.

– Вы бы не лезли, я бы не бросил! Джулье! – вмешался Джонни.

– До тебя мы еще доберемся, – пообещал Пескарь.

– Отдавайте краску! – потребовала Вика.

– Да? А сметаны не хотите? – язвительно спросил Толька. А услужливый Пескарь захохотал.

– Ну послушай, Толька, – сказал Сережка с неожиданным миролюбием. – Ну зачем она вам? А нам она правда нужна.

Самохин удивился: противник не ругался, а просил. Но Толька уступать не хотел.

– Сами виноваты, – непреклонно ответил он и нахлобучил чайник. – Зачем ваш Джонни нам щиты заляпал? Думаешь, мы такие ляпаные ходить будем?

– А что будете? – с подозрительным нетерпением спросила Виктория.

Толька мстительно сказал из-под чайника:

– Будем вашей краской наши щиты красить. Чтоб пятен не было. Чтоб одинаковые были. А остаточек вам вернем, так и быть.

– Чтоб вы подавились этим остаточком! – с восторгом в душе воскликнула Вика. И друзья посыпались с забора, чтобы враг не заметил их ликования.

Но они еще не были уверены до конца. Они сидели на Викином крыльце и ждали, и грызла их тревога.

В два часа дня появились в калитке два Джонниных пятилетних разведчика. Джонни, сдерживая нетерпение, пошел навстречу.

- Ну?

- Красят! - отчеканили разведчики.

- Красят, - небрежно сообщил Джонни, возвратившись на крыльцо.

- Джонки, ты великий человек, - проникновенно сказал Сережка.

- Мы подарим тебе Меркурия, - снова пообещал Борька.

Стасик в немом восторге встал на руки. А Вика... Ну что возьмешь с девчонки! На радостях она чмокнула героя в перемазанную краской щеку.

Джонни шарахнулся и покраснел...

- Ой! - спохватился Стасик и встал на ноги. - Борька, пора!

- Куда вы? - спросил Сережка.

- Липушку на выпас, - ласково сказал Борька.

- Липушку на тренировочку, - нежно добавил Стасик. - Тренировка - залог победы.

- Вы там не очень, - предупредил Сережка. - А то как снизит удои, да как запрет ее от нас бабка...

– Снизит?! – возмутился Стасик. – У нас режим! Программа! Распорядок. Все по-научному!

В тот же вечер Стасик Дорин бесстрашно явился во двор к Самохиным. В одной руке он держал пакет с пластилиновой печатью, в другой – лыжную палку с белым полотенцем.

– Что надо? – нелюбезно спросил предводитель викингов, появляясь на крыльце. Стасик повыше поднял флаг и протянул пакет. Толька с сожалением поглядел на полотенце. Никакие законы не разрешали отлупить посла. А так хотелось! Он вздохнул, разорвал пакет и вынул бумагу.

«Вызываем на бой!!! Послезавтра. В четверг. В девять часов утра», – прочитал он. Придраться было не к чему: ни одного оскорбительного выражения.

– Будет ответ? – вежливо спросил Стасик.

– Будет, – сказал Самохин. – Послезавтра в девять. Вам понравится.

– Вот и хорошо, – сказал Стасик.

Утро решающей битвы было безоблачным, синим, ослепительным. Не воевать бы, а радоваться. Но суровые покорители северных морей, повелители фиордов, грозные бойцы в рогатых шлемах созданы не для мирной жизни. Их дни проходят в боях... Правда, на этот раз они знали, что больших подвигов совершить не удастся. Велика ли заслуга – обратить в бегство маленький, почти беззащитный отряд! Но проучить непокорного врага следовало, и ровно в девять боевой четырехугольник викингов показался на улице. Заполыхали на солнце оранжевые щиты.

И вот викинги увидели противника.

– Тихо! – сурово сказал Самохин, потому что в рядах началось неприличное, подрывающее дисциплину веселье.

Ну а как было не веселиться? Противник был такой беспомощный, потешный! Пять человек стояли поперек дороги, вооруженные чем попало. У девчонки вместо щита была деревянная крышка от бочки. Джонни Карапуз держал игрушечный автомат, бесполезный в настоящем бою. У Сережки Волошина вообще не видно было оружия. Лишь братья Дорины укрылись за настоящими, как у викингов, щитами. Пятерка эта растянулась в редкую шеренгу, только Борька и Стасик стояли рядом, сдвинув некрашенные щиты.

- Сейчас побегут, - пропищал Пескарь. - Не будет никакого боя.

Но противник не бежал.

- Может быть, они решили геройски погибнуть? - с опаской спросил Пескарь.

- Помолчи, - обрезал предводитель. И, не оглядываясь, приказал: - Пленных запрягите до вечера в нашем штабе. А Джонни - сразу ко мне. Я из него сделаю чучело.

...А Сережкин отряд молча ждал врага.

- Не тяни, - прошептал наконец Стасик. - Оставь место для разбега.

- Давай, - попросила Вика.

Викинги надвигались, как рыжий танк.

- Внимание... - сказал Сережка. - Старт!

Братья Дорины раздвинули щиты и убрали руки с Липиных рогов.

Липа глянула вдаль, и ее затрясло, как вентилятор со сломанной лопастью. Еще бы! Раньше она воевала только с одной отвратительно-оранжевой дверью, а сейчас такие двери двигались на нее толпой!

Липа коротко замычала. Вернее, это было не мычанье, а глухой утробный звук, похожий на стон раненого льва. Потом она тяжело встала на дыбы, оттолкнулась задними копытами и ринулась на врага, поднимая над дорогой

клочковатые дымки пыли.

– Ха-ррашо идет, – сказал Сережка.

Викинги замедлили шаг. Едва ли они испугались. Скорее, просто удивились. А потом, разглядев, что мчится на них не носорог, не дикий бык и не баллистическая ракета, со смехом опустили щиты и склонили копья.

Ох, как это опасно – недооценивать врага! Что были тонкие копья для разъяренной Липы! Остановить ее удалось бы, пожалуй, только прямым попаданием из пушки.

Раздался сухой треск фанеры и нестройный крик растерявшихся викингов. Строй дрогнул и развалился. Липа исчезла в гуще копий, шлемов и щитов. Она бесновалась в середине толпы рогатых воинов.

В армии викингов стремительно нарастала паника.

– Бешеная! – раздался крик, и это было как сигнал.

Бойцы кинулись в калитки, на заборы и в подворотни, устилая поле брани рогатыми кастрюлями и огненными прямоугольниками щитов. Правда, четыре человека сомкнули ряд и хотели встретить грудью дикого врага, но пустились в бегство, едва Липа обратила на них горящий взгляд.

Не бросил оружие только ярл. Грозный вождь викингов не мог покинуть место битвы, оставив на нем меч и щит. Копье он тоже не хотел оставлять. Закинув щит за плечи и взяв копье под мышку, Самохин крупной рысью помчался к своей калитке. Блестящий шлем слетел с него на дорогу и несколько метров, бренча и прыгая, катился за хозяином. Потом застрял о травянистом кювете.

Если бы Толька догадался повернуть щит крашеной стороной к себе, он легко спасся бы от погони. Но фанерный квадрат прыгал у него на спине, сверкая оранжевой краской, и Липа расценила это как издевательство. Набирая скорость, она пустилась за последним викингом, настигла и атаковала с тыла. Щит рогами она не достала и ударила несколько ниже, но Тольке от этого было не легче.

Получив еще два удара, Толька понял, что не уйдет. Он бросил снаряжение у кривого тополя и с цирковой ловкостью взлетел на толстый сук.

Липа остановилась. Ее клочкастые бока взлетали и спадали от яростного дыхания. Она ударила копытом брошенный щит и с отвращением сказала:

– М-мэ!

Очевидно, она хотела сказать: «М-мэрзость!»

Толька смотрел на нее с тоскливой безнадежностью.

Победители окружили тополь.

– Сидишь? – почти ласково спросила Вика. – Ну и как там? Удобно?

– Да ничего, – уклончиво ответил Толька. Он немного пришел в себя. Все-таки сейчас он был не один на один с бешеным зверем.

– Слезай, джаба с рогами, – потребовал Джонни.

– Фиг, – сказал Толька.

– Хуже будет, – предупредил Борька.

– За штаны стянем, – пообещал Стасик.

– Попробуй. Как врежу каблуком по носу.

Сереежка молчал. Он считал, что побежденный враг не стоит разговоров. Он гладил Липу и чесал у нее за ухом. Липа хрипела и косилась на щит. Сереежка повернул его краской вниз. Потом взглянул на Тольку и спросил у ребят:

– Что с ним делать?

– Дать ему джару, чтоб запомнил, – мрачно сказал Джонни.

- Десять раз по шее, - предложил Стасик.

- Точно, - откликнулся Борька.

- Нельзя, - с сожалением сказал Сережка. - Пленных лупить не полагается.

- А хоть два разика по шее можно пленному? - с надеждой спросил Стасик.

- Я еще не пленный, - подал голос Толька. - Вы меня еще сперва достаньте.

- Очень надо, - сказала Виктория. - Сиди. А мы здесь посидим. Спешить некуда. Кто кого пересидит?

Толька вдруг почувствовал, что сук очень твердый и не такой уж толстый. Он при каждом движении скрипел и потрескивал.

- Драться будете, если спущусь?

- Не будем, - сказал Сережка. - Нужен ты нам такой...

- Хватит с тебя козы, - усмехнулась Вика.

- Уберите ее, - хмуро сказал Толька. - И где нашли такую сатану...

Вика отвела Липу. Толька уцепился за сук, повис и прыгнул в траву.

Несколько секунд все молчали.

- Забирай барахло и топай, - сказал, наконец Сережка.

Толька поднял копье, меч и щит. Вика закрыла Липины глаза ладонями.

- Сколько рогатых не могли с одной козой справиться, - хмыкнул Джонни.

- Еще полезете - четырех боевых козлов выставим, - пообещал Сережка.

Конечно, сгоряча он прихвастнул. Четырех козлов не нашлось бы на всех окрестных улицах. Но Толька ничего не сказал. Волоча снаряжение, он уходил к своему дому.

История викингов кончилась.

След крокодила

Когда Джонни Воробьев перешел во второй класс и достиг солидного восьмилетнего возраста, в его жизни случилась важная перемена. Джонни научился выговаривать букву «Ж». Теперь он уже не говорил «джаба» вместо «жаба» и не жаловался на «джуткую джизнь», когда его заставляли причесываться или смазывать зеленкой ссадины. А если коварное «дж» там, где не надо, проскакивало в его речи, это означало, что Джонни очень волнуется или крайне раздражен.

Чаще бывало наоборот. Джонни так гордился своим новым умением, что соседского пса называл иногда Жульбарсом, а не Джульбарсом, просил к чаю яблочный «жем», а в холодный день потребовал для себя «жинсы» и «жемпер».

И новый фильм, который шел в клубе швейной фабрики, Джонни называл «Жек, сын джунглей».

Это была история полудикого пса. Он подружился с бродячим охотником и не раз спасал его от смерти в джунглях девственных американских лесов.

Бывают фильмы, которые и один-то раз трудно досмотреть до конца. А бывают такие, что можно ходить на них десять раз, и чем больше смотришь, тем сильнее хочется увидеть их снова.

Джонни просто влюбился в громадного отважного Джека, в его смелого и благородного хозяина и даже в индейскую девушку Долорес, на которой хозяин Джека в конце концов женился. Кроме этих персонажей в фильме участвовали американские ковбои (отрицательные и положительные), индейцы, мексиканские пастухи в шляпах размером с вертолетную площадку, ягуары,

мустанги и крокодилы.

В Джоннином сердце поселилась тоска по заморским странам, жгучим тайнам и приключениям.

Но на родной улице родного тихого городка тайн и приключений не предвиделось. Тоску можно было унять лишь одним способом: посмотреть кино еще раз. Пятый.

Но, во-первых, не было гривенника. Во-вторых, был выходной день. А в выходной поди купи билет, если даже раздобудешь гривенник!

Оставался один путь: использовать знакомства и родственные связи. Не очень достойный способ, но что делать? Тоска съедала сердце бедного Джонни.

Скрутив свою гордость, вздрагивая от презрения к себе, он пошел в соседнюю комнату и сказал сладким ненатуральным голосом:

– Вера, может, сходим в кино на «Жека»? А?

Двоюродная сестра Вера, точнее Вера Сергеевна, была старше Джонни почти в четыре раза. Как вы помните, она работала воспитательницей в детском саду. Год назад она руководила старшей группой, в которую ходил тогда и Джонни.

День, когда Джонни стукнуло семь лет, Вера Сергеевна запомнила как светлый праздник: именинник твердо заявил об уходе из детского сада. С тех пор они с Верой старались вежливо не замечать друг друга, хотя и жили в одном доме. Правда, иногда Веру Сергеевну мучили угрызения совести. Гордый и свободный Джонни появлялся дома по вечерам нестриженный и лохматый, исцарапанный, с клочьями облезавшего загара на плечах, с репьями на майке, со свежими ссадинами на локтях и коленях, со сдержанной удалью в глазах – вольное дитя заросших лопухами улиц.

– О чем думают родители? – горестно шептала Вера Сергеевна и укоряла себя, что за детсадовский период не смогла воспитать из Джонни приличного ребенка.

И вдруг Джонни (подумать только – сам!) обратился к ней с просьбой!

Вера Сергеевна ощутила мгновенный прилив радости и педагогического рвения. Она сдержала, однако, эти чувства. Когда имеешь дело с детьми, надо владеть собой.

– Ну что ж... – почти равнодушно отозвалась она. – А собственно говоря, почему ты не идешь один?

– Билетов не достать. А если с тобой, Федя пропустит.

Кинемеханик Федя был хороший знакомый Веры Сергеевны.

– Ты думаешь? – строго спросила Вера. – Ну, меня он, допустим, проведет. А тебя за какие заслуги?

– Мы же все-таки с тобой родственники... – пробормотал Джонни.

Это признание окончательно покорило Веру Сергеевну. К тому же долго упираться было опасно. Джонни мог повернуться и гордо уйти.

– Хорошо, – сказала она с некоторой поспешностью. – Но при одном условии. Вернее, при двух.

Джонни глянул с подозрением.

– Во-первых, ты будешь вести себя как воспитанный человек. Во-вторых, – продолжала Вера Сергеевна, – ты должен выглядеть как нормальный ребенок.

Джонни внутренне содрогнулся. Но выхода не было. Он промолчал.

Молчание – знак согласия. Вера Сергеевна велела Джонни умыться. Потом заставила его надеть все новое, чистое и глаженое. Дала ему белые носочки и новые лаковые полуботинки, которые были куплены недавно и хранились для торжественных случаев. Джонни мужественно прошел через эти испытания. И лишь когда Вера попыталась припудрить ему синяк на подбородке, он тихо проворчал насчет «дженских фокусов». Вера убрала пудру: поняла, что нельзя

перегибать палку.

Потом она расчесала Джоннины волосы, которые в обычное время напоминали желтое пламя на ветру. Красивой прядкой она прикрыла великолепную лиловую шишку на его лбу. Джонни, который считал, что следы боев украшают мужчин, стерпел и это издевательство.

Вера старалась еще минут десять и наконец просветленно улыбнулась. Джонни стал похож на мальчика из журнала «Моды для детей», который издается в городе Риге. Вера была так довольна, что забыла о главном. О том, что ее двоюродный братец только снаружи сделался воспитанным и послушным. А внутри-то он остался прежним, непричесанным и гордым Джонни.

Но сначала все шло хорошо. Джонни чинно шагал рядом с Верой. Он вел себя так безобидно, что Вера даже подумала: не взять ли его за руку? Но не решилась.

Потом Джонки увидел на тротуаре пустую консервную банку.

– Женя, – мягко сказала педагог Вера Сергеевна, – ну, объясни, пожалуйста, зачем ты пнул эту банку? Ведь она тебе совершенно не мешала.

Джонни не мог объяснить. Он просто не понимал, как нормальный человек может пройти мимо такой банки и не пнуть.

– А чего она... на дороге. Ну, пнул. Жалко, что ли? – пробурчал он.

– Но ты поднял ненужный шум. И кроме того, ты мог исцарапать новую обувь.

«А холера с ней», – чуть не ответил Джонни, но вовремя сдержался. И послушно сказал:

– Я больше не буду.

Вера Сергеевна не заметила иронии и осталась довольна.

«Не такой уж он вредный, – размышляла она. – И характер его похож не на колючую проволоку, как мне казалось раньше, а скорее на мягкую круглую

щетку – ершик для мытья бутылок. Если слегка тронуть – колется, а если сжать покрепче – „ершик“ сомнется, и все в порядке». Она решила эту мысль сегодня же вечером записать в свой педагогический дневник. А пока продолжала воспитывать Джонни.

– Ну скажи, что у тебя за походка! Зачем ты елозишь руками по бокам?

Джонни елозил руками, потому что ладони его машинально искали карманы. Но на привычных местах карманов не попадалось. Джонни едва не плюнул с досады, но опять сдержался. На нем была не то рубашка, не то легкая курточка с матросским воротником, блестящими пуговками и плоскими кармашками у пояса. Джонни поднатужился и засунул в каждый кармашек по кулаку.

Стало гораздо легче жить. Но тут снова возвысила голос Вера Сергеевна.

– Женя! Ты сошел с ума! Вынь сейчас же руки! Ты растянешь карманы и подол.

Джонни вынул, но хмуро спросил:

– Ну и что?

– Как «что»? Будет некрасиво!

– А зачем карманы, если нельзя руки совать? – строптиво поинтересовался Джонни.

– Как зачем? Фасон такой. Ну и мало ли что... Например, платочек положить...

– Что положить? – с благородным возмущением спросил Джонни.

– Господи, что за ребенок! – вполголоса произнесла Вера Сергеевна.

Джонки стерпел и «ребенка».

Но у всего на свете есть границы. В том числе и у терпения.

– Женя, – печально сказала Вера. – Ну почему ты не можешь вести себя как все нормальные дети?

А что он сделал? Поднял с земли фанерку и пустил в воздух. Они шли как раз по краю оврага, и Джонни захотелось посмотреть, долетит ли фанерка до ручья.

Она не долетела.

– Женя...

Джонни круто развернулся и встал перед сестрицей. Снова сунул в кармашки кулаки. Смерил Веру Сергеевну взглядом от босоножек до завитков на прическе. И с чувством сказал:

– Иди ты... одна в кино, к своему Феде.

Затем он сделал шаг к откосу и бесстрашно ухнул вниз сквозь колючие кустарники и травы.

– Женя-а! Что ты делаешь!

Не оборачиваясь на жалобные крики, Джонни пробрался сквозь заросли к тропинке, которая вела к ручью и дальше, на другой берег оврага. Это был самый короткий путь к дому.

Джонни подошел к воде, мстительно поглядел на свои лаковые башмаки и, не снимая их, перешел ручей вброд. («О-о-о-о!» – сказала наверху Вера Сергеевна.) Затем он шагнул на доски – остатки прогнившего тротуарчика, – глянул на песок рядом с досками... Замер. Опустился на колени...

Вера Сергеевна продолжала причитать и звать ушедшего брата. Смысл ее криков можно было выразить одной строчкой из старинного романа: «Вернись, я все прощу».

Но Джонни не слышал.

Помните Робинзона? Помните, что он почувствовал, когда увидел на песчаном берегу чужой след? То же самое испытывал сейчас и Джонни.

...Не только у Джонни были в этот день неприятности. Его друзьям тоже не везло. Как по заказу.

Командир всей компании, шестиклассник Сережка Волошин, разочаровался в давнем своем приятеле Сане Волкове. С Волковым делалось неладное. Футбол и купание надоели ему. Про интересные истории, которые все по очереди рассказывали по вечерам на Викином крыльце, Саня сказал: «Муть!». Саня перестал покупать в буфете на вокзале мороженое с клубникой и копил деньги на мопед. Он отказался читать книгу «Туманность Андромеды» и заявил, что там все неправда. С младшим братом Митькой он торговался из-за велосипеда и продавал очередь кататься по десять копеек за полчаса.

В общем, скучным человеком стал Волков. Нет, Сережка не ругался с ним и даже не говорил ничего. Но чувствовал: дружба не клеится. Не то что в прежние года.

Он поделился грустными мыслями с одноклассницей и соседкой Викой:

- Что-то не то с Санькой...

- Переходный возраст... – рассеянно откликнулась Вика.

- Не туда он переходит, – мрачно сказал Сергей.

Но Вика не ответила. Она переживала свои неудачи.

Только что Вика поссорилась со своим юным дядюшкой Петей Каледонцевым.

Петя был студент. Он приехал в гости к родственникам, в том числе и к Вике. В августе он собирался отправиться на стройку со студенческим отрядом, но до этого должен был пересдать экзамен: у Пети был «хвост» по органической химии. С «хвостом» его, конечно, в отряд не взяли бы.

Петя собирался в тихом городке отдохнуть как следует и подготовить химию. Отдыхал он успешно, а что касается химии... Но, в конце концов, он был взрослый человек и отвечал за свои дела сам. Не то что Вика. За Вику отвечала ее тетя, Нина Валерьевна, потому что Викины родители, как обычно, проводили отпуск в туристической поездке, на этот раз заграничной.

Нина Валерьевна, жалуясь на головную боль и прочие недуги, жаловалась заодно и на Вику. Та была «кошмар, а не девочка». А Петя – младший брат Нины Валерьевны – хороший. Он был вежлив, изящен, весел. У него были тонкие усики и внешность юного матадора.

Ребята сначала прозвали Петю Каледонцева «Дон Каледон», а потом – «Дон Педро».

Чтобы не скучать вдали от столицы, Дон Педро привез с собой портативный магнитофон с длинным иностранным названием.

Из-за этого магнитофона и вышла ссора. Вике хотелось послушать ультрамодные записи, а Дон не давал.

– Опять трогала? – грозно спросил он, когда увидел, что магнитофон стоит не на месте.

– Рассыплется, что ли? – сказала Вика.

– Сколько раз говорил: не лапай!

– Жадина? Иди тетушке пожалуйся!

– Чего это я буду жаловаться? – удивился Петя.

– Она меня отругает, а тебя пожалеет. Она и так все время: «Ко-ко-ко, мой Петенька! Ко-ко-ко, мой цыпленочек! Скушай котлеточку, деточка...»

Петя счел несолидным сердиться на девчоночьи выходки.

Он засмеялся и сказал:

– Очень похоже.

Обманутая этим смехом, Вика ласково попросила:

– Ну дай. Я только одну пленочку послушаю.

– Обойдешься, – сказал Петя, – без музыки. Маленькая еще.

Вика подошла к открытому окну и оттуда сказала:

– Жмот ты несчастный. Дон Педро... Дон Пудра... Дон Пыдро!

Петя пустил в нее толстым учебником органической химии. Вика пригнулась, и книга вылетела в окно, хлопая листами, будто курица крыльями.

Следом выскочила Вика.

Теперь они с Сергеем сидели на крыльце и грустно думали каждый о своем.

К ним подошли братья Дорины – Борька и Стасик. Борька прижимал к груди кота Меркурия.

Отец выгнал братьев из дома. Не насовсем, а до вечера. А кота Меркурия – насовсем.

Кот был не простой, а электронный. Братья сделали его два года назад, но до сих пор старались усовершенствовать. Мышей ловить Меркурий не умел, потому что придумать электронное обоняние Стасик и Борька не смогли. Зато он ловко хватал с пола стальными челюстями разные мелкие предметы и с жужжанием возил их по комнате.

Братья хотели сделать отцу сюрприз. Они придумали вот что. Когда отец придет с работы, Меркурий схватит в зубы его домашние туфли и подвезет прямо к порогу.

Папа Дорин был очень аккуратный человек. Туфли его стояли всегда на одном месте, а приходил с работы он без восьми минут в пять часов.

Стасик и Борька долго налаживали кота. Рассчитали его путь из угла до тубель и до двери, проверили хватательные движения челюстей и реакцию на звонок. Из будильника они сделали реле времени, чтобы Меркурий зря не тратил энергию батареек и включился в полпятого.

Репетиция прошла отлично.

И конечно же все испортила дурацкая случайность. Отец решил привести в гости свою начальницу. Маму он предупредил, а сыновьям ничего не сказал. Мама убрала с привычного места отцовские шлепанцы, чтобы не портили вид в коридоре. В последний момент убрала.

Когда раздался звонок и открылась дверь, Меркурий рванулся из своего угла, недоуменно щелкнул зубами над пустым местом, и от этого промаха в его организме что-то разладилось. Бедный кот взвыл электронным голосом, замигал зеленым глазом и, дребезжа, подкатил под ноги начальнице – пожилой представительной даме.

Дама в глубоком обмороке мягко осела на коврик у порога...

– Может, возьмешь пока к себе? – жалобно спросил Стасик у Вики и потер белобрысый затылок (в затылке все еще гудела отцовская затрещина).

– Возьми, – попросил и Борька (и пошевелил лопатками). – А то отец пообещал разломать до винтиков.

– Давайте, – сказала Вика. – Я его на Дона буду науськивать.

– Лучше разобрать на детали да продать тем, кто приемники делает, – предложил подошедший Саня Волков. – По крайней мере толк будет.

– Шиш, – сказала Вика. Она погладила Меркурия по алюминиевой спине и унесла в дом. Потом вернулась и села на ступеньку рядом с грустными друзьями.

В это время подошел Джонни.

Он встал в двух шагах и начал ждать, когда обратят на него внимание.

Первой обратила внимание Вика.

- Что с тобой, Джонни?

- В овраге что-то непонятное, - сдержанно сказал Джонни.

- Что непонятное?

- Там, где брод, на песке... след какой-то. Будто кто-то брюхом по песку полз и лапами по сторонам шлепал.

И Джонни помахал в воздухе растопыренными ладошками - показал, как шлепали лапы.

Друзья молча и вопросительно смотрели на него. Только Саня Волков хихикнул:

- Брюхом полз! Пьяница какой-нибудь к ручью лазил, чтобы протрезвиться.

Джонни поморщился. Он не любил дураков.

- Лапы-то не человечесьи.

- А чьи? - разом спросили Борька и Стасик Дорины.

- Откуда я знаю чьи... Вроде как крокодильи.

Тогда все развеселились.

- Во дает! - сказал Стасик.

– Джонни, ты не перегрелся на солнышке? – спросила Вика и хотела пощупать у него лоб.

Джонни холодно отстранился.

– Новости науки! – торжественным голосом диктора объявил Сергей. – Чудо местных вод: большой зеленый крокодил. Школьник Джонни Воробьев едва не угодил в пасть чудовища. Академия наук выслала экспедицию на место происшествия.

Джонни подождал, когда кончится это неприличное веселье. Потом ответил им лаконично, как древний римлянин:

– Идите и посмотрите.

Если бы ждали их какие-то дела, интересная игра или еще что-нибудь, никто бы не пошел.

Но делать все равно было нечего. И компания, посмеявшись, двинулась к оврагу.

Следы были. В самом деле, словно кто-то волочил по песку тяжелое брюхо и неловко опирался на трехпалые нечеловечьи лапы.

Все осторожно, чтобы не задеть отпечатки, опустились на песок. Кто на корточки сел, кто на колени встал. Только Джонни стоял, сунув кулаки в карманы матроски (карманы уже слегка растянулись). Всем своим видом он говорил: «Убедились? То-то же. А еще хихикали...»

– Странные следы какие-то, – заметил Сережка. – Лапы то по бокам, то будто на брюхе растут.

– Может, у него походка такая, – заметил Стасик Дорин.

– Может, хромой крокодил, – поддержал его Борька.

– Бедненький, – сказала Вика. То ли крокодила пожалела, то ли Борьку за то, что он сделал такое глупое предположение.

– Да идите вы! – слегка обиженно сказал Саня Волков. – Вы что, по правде, что ли? Откуда здесь крокодилы?

– А откуда они вообще берутся? – подал голос Джонни. – Наверно, от сырости заводятся. Здесь место самое для них подходящее, заросли и вода. Будто на реке Конго.

Все сдержанно посмеялись. Саня решил, что смеются над Джонни, и тоже похихикал.

Борька Дорин вспомнил:

– В прошлом году в газете печатали, что из зоопарка макака сбежала. Только через три дня на каком-то чердаке поймали. Может, и этот...

– Макака – она же обезьяна, – возразил Саня. – Ей сбежать – раз плюнуть. А крокодил как уползет?.. Да у нас и зоопарка нет, не Москва ведь.

– До Москвы недалеко, – рассеянно заметил Сережка. – А там зоопарк близко от реки.

– Ну и что?

– Ну и то. Сперва в реку, потом в канал, потом к нам в ручей... А что? Здесь тихо, спокойно. Сыро. Зелень, лягушки...

– Где лягушки? – быстро спросила Вика и встала.

– Одними лягушками не прокормишься, – заметил Стасик.

– В том-то и дело, – печально сказал Сережка. – Лягушки – это так, закуска. А вот пойдет через ручей какой-нибудь Джонни в новых башмаках...

Все разом глянули на Джоннины полуботинки. Они слегка поблекли и размякли от воды, но видно было все-таки – новые и лаковые.

– ...идет он, – продолжал Сережка, – а крокодил хлоп своей пастью – и нету Джонни. Только башмаки пожевал и выплюнул.

– И то хорошо, – заметила Вика. – Все-таки родителям утешение и память.

Джонни посмотрел на друзей снисходительно, как на расшалившихся дошколят.

– Вот вы языками мелете, а следы-то все равно есть. Откуда?

Этот здравый вопрос всех сделал серьезными. Все опять уставились на отпечатки лап. Но смотри не смотри, а загадка от этого не станет проще.

Первому надоело Сане. Он встал и решительно отряхнул с колен песок.

– Сидите, если охота. Я пошел. В пять сорок пять по первой программе «Остров сокровищ».

Это известие у всех повернуло мысли в другую сторону. Ну подумаешь, непонятные следы! А по телевизору: пираты, паруса, клады и абордажные схватки! Даже Джонни встрепенулся.

Но, уходя, он посмотрел все-таки еще раз на берег ручья. Там на песке оставалась неразгаданная тайна.

На следующее утро Джонни встретил во дворе Саню и Сережку. Сказал будто между прочим:

– А следы-то опять... Не те, а свежие. Я ходил, смотрел.

– Да ну тебя со следами! – огрызнулся Саня. Он с грустью думал о потерянном гаечном ключе от велосипеда.

– «Ну тебя, ну тебя!»! – вдруг вспыхнул Джонни. – У тебя мозги, как велосипедная шина! А если там правда кто завелся?

– Ну и завелся... Мне-то что?

– Там твой Митька с ребятами строить мельницу хотел. Вот сожрет эта скотина Митьку, тогда узнаешь.

– Его сожрешь... – откликнулся Саня, но слегка задумался. Видимо, судьба младшего брата была ему не совсем безразлична.

Сережка почесал переносицу и сказал:

– Джонни, позови-ка Дориных. И Викторию.

Они расселись на крыльце у Вики.

– Можно, конечно, шутить, – сказал Сережка. – Можно не верить... А следы-то есть... Вот я читал в одном журнале, что в Шотландии в каком-то озере доисторическое животное появилось. Там тоже пацаны по берегу бегали, тоже думали сперва: «Разве в нашем обыкновенном озере может что-нибудь случиться?»

– Если бы люди мимо всяких загадок проходили, они бы до сих пор и огонь-то разжигать не научились, – сказал Борис Дорин, а Стасик с упреком посмотрел на Саню Волкова.

Саня сказал:

– Ну а я что? Давайте тогда разведывать, кто там...

Вика осторожно спросила:

– Может, лучше сразу сообщить куда-нибудь? А то, пока охотимся, оно в самом деле кого-нибудь слопает.

– А если никого в ручье нет? На смех поднимут, – сказал Сергей.

– А если есть, получится, что не мы его открыли, – поддержал Сергея Борька. – Пускай уж лучше мы сами. Рискнем... Если там кто-то завелся, то, наверно, не современный крокодил, а неизвестное чудовище вроде шотландского.

При слове «чудовище» у Джонни сладко заняло сердце. Настоящие, не «киношные» приключения надвигались на него. И заросли у ручья окутались романтикой, как джунгли Амазонки.

Однако романтика не сделала эти заросли более уютными. Дикая смородина, шиповник и какие-то ядовитые кусты с неизвестным названием царапались, как рассерженные кошки, – только шевельлись. Пролезшая между ветками крапива тоже вела себя подло. Джонни страдал. В отместку Вере Сергеевне он превратил свой вчерашний парадный костюм в повседневную одежду и теперь очень жалел: такая одежда не годилась для охоты в джунглях. С грустью Джонни вспоминал плотные техасы и футболку с длинными рукавами. Но наука требует самоотверженности и терпения. Джонни терпел. Остальные охотники тоже сидели в засаде молчаливо и почти неподвижно. Лишь изредка кто-нибудь не выдерживал и почесывал украдкой исцарапанные и ужаленные места. И тогда пятеро остальных косились на него со сдержанным негодованием.

Засада была устроена метрах в пятнадцати от песчаного пятачка с таинственными следами. Место было малолюдное. Когда-то здесь над ручьем построили мостик, потому что недалеко в овраге стояла избушка с огородом, колодцем и палисадником – крошечный такой хуторок. Потом избушку разобрали, мостик разрушился, от деревянного тротуарчика, ведущего на высокий берег, осталась редкая цепочка досок. А от мостика – узкая жердочка. Даже самым ловким мальчишкам и девчонкам не всегда удавалось пробежать по ней. Но ребятам-то не страшно: если и сыграют в ручей, беда не велика – глубина всего по колено. А взрослые почти никогда не пользовались этим переходом.

Ручей не везде был мелкий. Недалеко от песчаного брода, в тени сросшихся кустов, чернела глубокая вода. В тех ямах вполне мог поселиться крокодил... ну или не крокодил, а что-то похожее. В общем, тот, кто оставлял следы.

Следы эти хорошо видны были из укрытия: борозда от тяжелого брюха и отпечатки трехпалых неуклюжих лап. Но сегодня лапы были повернуты не от ручья, а к ручью. Может быть, крокодил (или не крокодил) всю ночь провел в зарослях и только под утро вернулся к себе в логово.

Вернуться-то вернулся, а вдруг потом опять вылез на берег в другом месте?

Мысль о том, что рядом ползает, может быть, что-то громадное, зубастое и скользкое, не доставляла особой радости. И разведчики прочно сжимали оружие. У Джонни было копье из лыжной палки. У Сани Волкова и Сережки – кинжалы из кухонных ножей. Братья Дорины – люди технически грамотные – вооружились на уровне современной техники: Борька соорудил скорострельную рогатку с оптическим прицелом (можно бить чудовище прямо в глаз), а у Стасика был двуствольный самострел. Причем один ствол бил прямо, а другой под углом, из укрытия.

Но оружие у разведчиков было лишь для самообороны. Они совсем не хотели вредить чудовищу. Для начала они собирались только выследить его и сфотографировать. Поэтому у Вики был на взводе аппарат «Смена» со специальной рукояткой, которую тоже сконструировали Дорины.

...Сидели долго. Ужасно долго. Целый час или два. Целых сто лет! Зловеще гудели в ядовитых листьях заблудившиеся осы. Среди влажной травы и корней что-то хлюпало и шевелилось. Кожа горела, будто ее искусили тысячи moskitov.

А крокодила не было.

Компания начинала скучать. Первым откровенно и громко зевнул и почесался Саня Волков. На него зашипели, но уже не сердито, а по привычке. Саня хотел огрызнуться. И тут на берегу появился...

Нет, не крокодил.

Появился давний недруг всей компании Толька Самохин. Толька шагал к ручью со свитой адъютантов младшего и среднего возраста. Видимо, они возвращались с киносеанса из клуба.

На Тольке были восхитительные клеши с малиновыми обшлагами и серебряными пуговками. Ни подворачивать, ни мочить их Самохин, конечно, не хотел. А пройти по жердочке он не решился бы и под угрозой пистолета. Поэтому он выразительным кивком подозвал свиту, и голоногие адъютанты привычно подняли своего предводителя на руках. Затем вошли в воду.

Наверно, в давние времена доблестные воины так носили через реки своих императоров. По крайней мере, Толька вполне чувствовал себя императором.

У Джонни даже сердце заболело от жгучего желания. Как он молил судьбу, чтобы кто-нибудь из адъютантов поскользнулся или запнулся! Позднее он узнал, что этого же всей душой желали и его друзья.

И судьба сделала им подарок. Маленький адъютант с медными веснушками на круглых щеках (он держал левую ногу предводителя) ойкнул и схватился за колено: видно, неловко ступил. Отпущенная Толькина нога стукнула его по спине. Второй адъютант у правой ноги от неожиданности сбил шаг и запнулся. Идущие сзади по инерции надавили на передних, равновесие нарушилось, чьи-то руки сорвались, и его высочество Самохин с плеском и высокими брызгами рухнул в ручей.

Перепуганная свита выскочила на берег и обалдело смотрела на упавшего с высот повелителя.

Толька несколько секунд сидел молча и даже как-то задумчиво. Из воды торчала его голова, плечи и облепленные мокрыми клешами колени.

– Ой, – вдруг негромко сказал Самохин. – Ой-ей, – повторил он тоненько и почти со слезами. – Ой-ей-ей-ей!..

Он завозился, баламутя воду, зашарил под собой, осторожненько встал (ручьи бежали с него) и еще раз ойкнул. Одной рукой он держался за то место, на котором сидят, а в другой сжимал острый каменный осколок.

Видимо, на этот камень он крепко сел при падении.

– Паразиты, – жалобно сказал Самохин и пустил осколком в адъютантов. Не попал. Те стояли молчаливые и подавленные. Особенно веснушчатый адъютант. Всем своим видом он говорил: «Хочешь – казни, хочешь – милуй».

Самохин не стал казнить. Держась за раненое место, он прошел сквозь ряды свиты и двинулся к откосу. Он дал понять, что не желает иметь никакого дела с такими остолопами. Пусть ищут другого командира. Его подданные вздохнули и побрели следом.

Компания разведчиков давилась от восторженного хохота. Они зажимали себе рты, показывали друг другу кулаки, но смех прорывался, как пар из-под крышки закипевшего чайника.

Борька Дорин, слегка отдышавшись, сказал шепотом:

– Он когда заойкал, я думал, его крокодил ухватил...

Смех грянул в полную силу.

– Ну тихо, вы! – с досадой крикнул Джонни. – Будто детский сад в цирке! Спугнете ведь!

– Да кого же теперь спугивать? – возразил Сережка. – Самохин его еще раньше напугал. Во как плюхнулся!

Но Джонни не хотел так легко отказываться от охоты на крокодила.

– Самохин! – презрительно сказал он. – Будет крокодил бояться какого-то Самохина... Он, может, сейчас как раз принюхивается к его следам, чтобы поймать и закусить. Вот возьмет и вылезет...

Эта мысль показалась довольно здоровой. Всем, кроме Сани Волкова. Тот заговорил, что зря только время теряют, лучше бы купаться пошли. Но он подчинился большинству, когда все решили посидеть в засаде еще полчаса.

Однако не прошло и двух минут, как воздух будто просверлился от оглушительного визга.

Сначала никто ничего не понял, просто все схватились за уши. Потом сообразили, что визжит Вика. Решили было, что к ней вплотную подобрался крокодил и показал свою страшную улыбку. Схватились за оружие. Но крокодила не было. И скоро выяснилось, что на ногу Вике прыгнул маленький лягушонок – из породы травяных лягушек, что живут в сырых зарослях.

– Тьфу! – в сердцах сказал Джонни и первым выбрался из кустов. Он бросил копье, наклонился и уперся ладонями в колени. Будто от усталости. А на самом деле, чтобы не увидели, как его колени прыгают от пережитого ужаса. Сердце тоже прыгало.

Из засады вылезли сердитые Дорины, а за ними Вика – тоже сердитая и очень красная.

– А чего! – сказала она. – Конечно! Он вон какой скользкий и противный!

– А крокодил?! – яростно спросил Борька Дорин. – Он что, мягонький и пушистый, как плюшевый мишка?

– Если ты от лягушонка так вопишь, то что будет при крокодиле? – поддержал его Стасик.

– Никакого крокодила здесь уже нет, – мрачно сообщил Сережка, выбираясь из колючек. – Если он и был, то сейчас чешет отсюда во все лопатки в Африку. После такого визга! Я сам-то чуть не рванул куда глаза глядят.

– Только время загробили, – заключил Саня Волков.

– «Время, время!» – огрызнулась Вика. – Дрожишь над своим временем, будто министр или академик.

– Время – деньги, – глубокомысленно ответил Саня.

Джонни перестал вздрагивать, распрямился и начал вытряхивать из спутанных волос листики и колючки. Он понял, что приключений не будет. Охота кончилась.

...Охота и в самом деле кончилась бы, но через два дня опять был обнаружен след. Один-единственный, не очень четкий, но, без сомнения, свежий. Видно, крокодил на этот раз полз по траве и лишь случайно, один разик, ступил на песок.

След увидели Дорины, которые возвращались домой из-за оврага.

– Все ясно, – с усмешкой сказал Серега. – После Викиного визга он притих на два дня, а теперь опять ожил.

Но остальные были настроены серьезно.

– Что будем делать? – озабоченно спросил Борька Дорин.

– По-моему, это ночное животное, – сказал Стасик. – Следы обязательно утром обнаруживаются, после ночи...

– Ну уж спасибочки, ночью я в засаду не пойду. Меня тетка потом живьем съест, – заявила Вика.

– И не ходи, – сказал нетактичный Саня Волков. – А то опять заверещишь...

Вика замахнулась, и он отскочил.

– Ночью никого не пустят, – рассудительно заметил Сергей. – А если сбежим, сами знаете, что будет.

– Разик-то можно, – нерешительно сказал Джонни.

– А если с первого разика не получится?

– Надо способ придумать, чтобы точно получилось, – сказал Борька Дорин.

– Кто знает, как ловят крокодилов? – спросил Стасик.

Оказывается, знали многие. Саня Волков сказал, что, как только крокодил вылезет на берег, надо посветить ему в морду фонариком. Он сразу же ослепнет и обалдеет. Тут его и хватай!

– Вот и хватай, – сказал Сережка. – А мы посмотрим, как у тебя получится. Это тебе не котенок.

– Кроме того, надо дождаться, чтобы вылез. А если не захочет? – сказала Вика.

– А я знаю, я читал! – подскочил Джонни. – Это на реке Амазонке индейцы так аллигаторов ловят. Слушайте...

И он рассказал об удивительном способе. Самый ловкий и вертлявый индейский воин берет заостренный с двух концов метровый кол и идет на берег, туда, где должны быть аллигаторы. И начинает всячески кривляться, приплясывать – дразнить крокодилов. Крокодилы смотрят, смотрят на это безобразие, а потом... Ведь и у аллигаторов бывает конец терпению. Один из них выбирается на берег и широко раскрывает пасть, чтобы разом выяснить отношения с танцором. Вот тут-то и надо изловчиться: вставить поперек пасти кол! После этого крокодил никуда не денется – привязывай к колу веревочку и веди добычу хоть в зоопарк, хоть домой, хоть в Академию наук.

Такой способ охоты сначала всем понравился. Но Сережка деловито спросил:

– А дразнить крокодила и вставлять кол кто будет? Ты, Джонни?

– Везде я да я! – обиделся Джонни.

Тогда Стасик Дорин вспомнил, что читал в журнале «Знание – сила» про охоту на африканских крокодилов. Эти симпатичные животные имеют странную привычку: в воду они возвращаются по тому следу, который оставили, когда выползали на берег. Туземцы это знают и ждут, когда крокодил выберется из реки. Потом ставят на его пути острый нож – лезвием вверх. Глупый крокодил ползет обратно и сам распарывает себе брюхо.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Вика. – Главное, не надо здесь ночью сидеть. Вечером поставим нож, а утром – забирай крокодильчика...

– ...с распоротым пузом, – ехидно закончил Сергей. – Зачем нам распотрошенный крокодил? Его надо живым брать. Для науки все-таки...

– Стоп! – вдруг сказал Стасик и уставился в пространство, а остальные уставились на него. – Стоп... – снова произнес он. – Я думаю... Братцы! Помните, как Самохина в ручей уронили? Кто-то еще подумал, что его крокодил на зубок пробует?

– Ну? – нетерпеливо сказал Джонки.

– У меня уже тогда в голове вертелось, только никак до конца не придумывалось... Нужна приманка! И ловушка! Тогда ночью сидеть не надо, он сам поймается!

– А приманка – это Самохин, что ли? – спросил Саня Волков.

– При чем тут Самохин! Крокодилы больше всего маленьких поросят любят. Я в «Вокруг света» читал. Их так и ловят. Выроют яму, посадят поросеночка, а сверху – маскировка. Поросянок пищит с голоду, а у крокодила слюнки бегут. Ползет он, ползет на визг, а потом – трах! ..

– Яму еще рыть... – недовольно перебил Саня Волков.

– Не надо яму. Там старый колодец недалеко, метра четыре глубиной. А воды в нем всего по колено или меньше.

– А поросеночек? – сказал Сережка.

И все задумались.

План был что надо, но где взять поросеночка?

– Из-за такой мелочи вся операция проваливается, – хмуро сказала Вика. – Слушайте, люди... А если у старика Газетыча?

Все озадаченно уставились на Вику.

– Ты что? – спросил Сережка. – Слегка сдвинулась? – И он покрутил пальцем у виска.

Старика все знали. И его поросенок тоже. Старик, когда не работал, сидел на лавочке у своей калитки, а крошечный поросенок, привязанный к воткнутой в землю щепке, ходил и щипал травку. Симпатичный такой, кругленький Нуф-Нуф из сказки о трех поросятах.

– За такое дело все в милицию угодим, – уверенно сообщил Саня Волков. – Доказывайте потом, что для науки старались.

– Не насовсем ведь, а на время поросенок-то... – сказала Вика.

– На время? – возмутился Сережка. – Думаешь, крокодил на него любоваться будет, когда сыграет в колодец?

– Вы это кончайте! – взволнованно потребовал Джонни. – Поросяток – еще ребенок, его джрать нельзя.

Вика с некоторым сожалением посмотрела на друзей. Слово хотела сказать: «Я-то думала, что вы умные...»

– Зачем его жрать? И в колодец зачем? Его всего-то на пять минут надо. Я возьму у Дона Педро магнитофон, поросенок повизжит, мы его на пленочку запишем. А магнитофон уж пусть визжит без перерыва или, когда надо, включается. Это Борис и Стасик сделают...

С минуту компания молча обдумывала план. Он со всех сторон казался простым и гениальным. Действительно, поросенка отдавать на съедение не надо, пусть повизжит – только и всего. У него и у хозяина от этого ничего не убудет. Крокодилу все равно: визг-то натуральный поросежий, хоть и на пленке. Жрать магнитофон он не станет – несъедобно. Вот только как отнесется к этому Дон Педро?

– А я и спрашивать не буду, – сказала Вика. – Дон уже и не занимается им, запихал в шкаф на верхнюю полку. Он теперь каждый вечер в клуб на танцы бегаёт, влюбился, наверно... Я магнитофон вытащу, а футляр оставлю, будто все

в порядке. Он и не заметит.

– Ну давай! – решил Сережка. – А кто пойдет за Нуф-Нуфом?

Пошел, конечно, Джонни. Как самый изворотливый и хитроумный. Он взял у Дариных мешок из-под картошки и проник во двор к старику.

По всем расчетам старик должен был находиться на работе. В это время он всегда торговал вечерними газетами в киоске у вокзала. Его тонкоголосую скороговорку знали все жители городка. «Граждане, газет-чку? Газет-чку, граждане?» Старика поэтому так и звали – Газетыч.

В свободное от торговли время Газетыч копался в огороде и воспитывал Нуф-Нуфа. Вместе со стариком жила взрослая дочь и ее муж. Они тоже любили копать на грядках. Но днем они работали, а возвращались поздно. Никто не мог помешать Джонни похитить Нуф-Нуфа, а потом подсунуть обратно. Джонни боялся только одного: вдруг сарайчик окажется на замке.

Но и тут ему повезло: дверь была заперта на щеколду с просунутой в петлю палкой.

Окинув двор взглядом ковбоя и разведчика, Джонни скользнул к двери и освободил щеколду. Потянул дверь. Она открылась тяжело, но без скрипа. Джонни мягким шагом переступил порог.

«Ух-ух... Хря-хря...» – раздалось в углу. Круглый Нуф-Нуф поднялся с подстилки и добродушно заковылял к Джонни. Он был еще неопытен и не знал о людском коварстве.

Неуловимым пиратским движением Джонни вытянул из-под матроски (изрядно уже перемазанной) мешок.

– Иди сюда, мой хороший. Иди, я тебе животик почешу...

Нуф-Нуф приятельски хрюкнул и подошел вплотную. Джонни подмигнул ему, сел на корточки и попытался осторожно надеть мешок на свою добычу.

Он не сделал Нуф-Нуфу больно. Ни капельки! Но у того, видимо, с мешком были связаны какие-то скверные воспоминания. Нуф-Нуф ловко извернулся и наполнил сарайчик первосортным визгом повышенной громкости.

– Тихо ты, шашлык несчастный! – прошипел Джонни и зажмурился. А когда открыл глаза, в сарайчике стало темнее. Сначала Джонни решил, что от страха потемнело в глазах. Но оказалось, не от этого. Джонни оглянулся и увидел, что полуоткрытую дверь загораживает Газетыч.

Несколько секунд похититель и хозяин молча смотрели друг на друга. Потом Газетыч укоризненно спросил:

– Значит, этому вас учат в школе? Свиной воровать?

После таких слов Газетыч закрыл тяжелую дверь. Он закрыл ее по-особенному: торжественно и зловеще. Сначала дверь заскрипела, будто крепостные ворота, и медленно двинулась с места. Потом, набирая скорость, она завизжала пронзительно и захлопнулась с грохотом и силой. С потолка посыпалась труха. Так, наверное, захлопывались за узниками двери в средневековых темницах. Лязгнул засов. Навалилась тишина. И сумрак. Правда, солнце било в щели и отдушины, но в этот миг внутренность сарая показалась Джонни темной и мрачной, как ночь на кладбище.

Он вздохнул и поморгал, чтобы скорее приучить глаза к сумраку. Потом огляделся.

Путей для бегства не было. В сарае – ни одного окошка. Под потолком светились две квадратные отдушины, но в них пролезла бы только кошка, да и то не очень толстая.

«Скверное дело», – сказал себе Джонни, и, как всегда от ожидания крупных неприятностей, у него стало холодно в желудке.

Зато окаянный Нуф-Нуф был, видимо, счастлив: кончилось его одиночество! Он уже забыл о разбойничьих намерениях Джонни и мечтал о знакомстве. Сначала Нуф-Нуф деликатно похрюкивал в углу. Потом, стуча копытцами по доскам, подошел и потерся боком о Джоннину ногу. Бок был щетинистый и колючий, как

ржавая проволочная сетка. Джонни отпихнул Нуф-Нуфа:

- Иди отсюда, джирная балда! На джаркое тебя...

По этим словам вы можете понять, как был расстроен и взвинчен Джонни.

Нуф-Нуф убрался в угол и хрюкал там обиженно и удивленно.

Джонни подошел к двери. Чуть повыше его глаз светилась в доске дырка от сучка. Джонни встал на цыпочки и глянул на волю.

Он увидел, что старик возвращается.

Газетыч направлялся к сараю решительным шагом. На согнутом локте он нес моток веревки. Может быть, он решил повесить Джонни, как пирата, на потолочной балке, может быть, хотел связать его и в таком виде доставить в милицию; а может быть, решил выдрать юного похитителя этой веревкой.

Сами понимаете, что ни один из этих вариантов Джонни не устраивал. Мозги его просто закипели – так лихорадочно искал он путь к избавлению. Но старик приближался, а спасительных мыслей не было. И тогда Джонни понял: выход один – самый простой и рискованный. Он встал в двух шагах от двери и напружинил ноги. Едва Газетыч потянул на себя дверь, как Джонни склонил голову и ринулся в светлую щель.

Газетыча отшатнуло в сторону.

- Стой! – заголосил он. – Стой, бандит, хуже будет!

Но Джонни знал, что хуже не будет. Он несся к забору, оставляя за собой в кустах малины и смородины прямую, как по линейке, просеку.

Газетыч попытался метнуть ему вслед веревку, как ковбои кидают лассо. Но веревка полетела не туда и опутала Газетычу руки и плечи. А в ноги ему, как тугий мяч, ударился Нуф-Нуф, который вслед за Джонни вырвался на свободу.

Газетыч упал на четвереньки, называя нехорошими словами Нуф-Нуфа, юного грабителя, веревку и весь белый свет.

А Джонни изящно перелетел через забор, промчался по переулку и предстал перед друзьями. Встрепанный, поцарапанный, без мешка, но довольный.

– Ну история! – шумно дыша, сказал он. – Еле ушел. Сквозь джунгли. Как в кино получилось...

Он передохнул и открыл рот, чтобы живописно изложить подробности своего спасения. Его остановил Сережка.

– Где хряк? – холодно спросил он.

– Чего? – удивился Джонни.

– Поросеночек где? – угрожающе-ласковым голосом произнесла Вика. – Где Нуф-Нуф? Ты же клялся, что добудешь.

– Нуф-Нуф! – оскорбился Джонни. – Чтоб он окошел раньше срока! Я и без него-то еле ноги унес от старика. Из-под замка вырвался!

Ища сочувствия, он обвел глазами лица друзей. Лица были сумрачны. Ни капли сострадания не увидел Джонни в ответных взглядах.

– Если бы знали, сами бы пошли, – обронил Стасик Дорин, а Борька добавил с искренним огорчением:

– И мешок посеял, растяпа! Нам теперь за мешок дома отдуваться...

Джонни заморгал.

– Мешок... – горько повторил он. – Тут человек, может, от гибели спасся, а вы... Мешок вам дороже...

Что-то дрогнуло в мрачных лицах. То ли искра жалости мелькнула, то ли проблеск совести. Но Санька Волков, который ни жалостью, ни совестью особенно не страдал, громко заявил:

– На мешок плевать. А где приманку брать для крокодила? Сорвал операцию да еще в герои лезет, ковбой на палочке.

Джонни опустил плечи. Только сейчас понял: операция по поимке таинственного крокодила и вправду сорвана.

Джонни сгорбился и вздохнул. Он отошел от ребят, вскарабкался по наклонной поленнице на крышу дровяника и сел, свесив ноги. Вид у неудачливого похитителя свиней был очень сокрушенный. Джонни так низко опустил голову, что упавшие вперед волосы защекотали ему колени.

Но сквозь частую сетку волос хитрый Джонни внимательно следил за друзьями. И старательно соображал: не найдется ли способа спасти от провала операцию, а заодно и свой авторитет.

Способ не придумывался. А безжалостный Волков постарался совсем уничтожить бедного Джонни.

– Взять да засунуть самого в колодец! Пусть визжит и хрюкает вместо поросся. Чтоб знал в другой раз...

И в этот миг у Джонни вспыхнула восхитительная идея!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/mushketer-i-feya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)